УДК 803.0 – 54/56

О СООТНОШЕНИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ И СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Злобина Н.И., Новицкая В.В.

В современных исследованиях по словообразовательной номинации широко признанным является тот факт, что "выполняя, подобно простым словам функцию номинативных единиц, словообразовательные конструкции в отличие от них, могут употребляться в качестве альтернативных, параллельных, конкурирующих форм по отношению к синтаксическим словосочетаниям" [1,75]. В этой связи представляется актуальным изучение различных видов свертывания, своеобразной семантической компрессии синтаксических конструкций (словосочетаний, а порой и целых предложений) в словообразовательные структуры. Выявление механизма стяжения словосочетания в словообразовательную единицу представляется важным, поскольку, во–первых, именно здесь наиболее очевидно проявляется связь словообразования с синтаксисом, а во–вторых, процесс универбализации словосочетания приводит к возникновению синонимических форм номинации. При этом происходит транспозиция знаков с синтаксического уровня на лексический, на уровень слова.

Соотношение словообразовательных и синтаксических структур в современном немецком языке позволило в первую очередь подвергнуть анализу конструкции, обладающие идентичным лексическим наполнением и близким грамматическим значением, взаимозаменяемые в определенных контекстах – словообразовательные единицы и словосочетания. В результате проведенного исследования выявлена определенная градация семантической близости сложных слов и словосочетаний, т.е. выделены 3 группы: 1) максимально удаленные друг от друга по своему референциальному значению; 2) частично совпадающие по своему референциальному значению; 3) полностью совпадающие по своему референциальному значению.

Определенный интерес представляет группа полуаффиксальных производных и словосочетаний, частично совпадающих по своему референциальному значению, например mäuschenstill – тихий как мышонок, blutrot – красный как кровь, pechkohlrabenschwarz – чёрный как уголь, как смоль, как вороново крыло и т.д. Некоторые исследователи языка предполагают, что одна из синонимичных форм может вытеснить другую, именно полуаффиксальный дериват может вытеснить более громоздкую синтаксическую структуру, о чем свидетельствуют многочисленные примеры в конкретной речевой ситуации. Образование универбов с помощью полуаффиксов – особая примета современного немецкого языка. В лингвистический обиход в области синхронного словообразования этот термин был введен М.Д. Степановой в 1953 г [2, 384]. Вызвавшее первоначально бурную полемику, это понятие выдержало испытание временем и прочно вошло в арсенал лингвистических понятий, используемых в практике описания словообразовательных систем. Наличие полуаффикса в составе слова констатируют тогда, когда у этой единицы – при прочих разных условиях (неполнозначности, служебности этой морфемы и т.п.) – в системе языка присутствует коррелятивная свободно стоящая в изоляции единица, отдельное слово, например, die Spitze – шпиль, вершина, встречается в словообразовательной структуре универбов: der Spitzbube – озорник, мошенник, spitzbübisch – озорной, мошеннический, die Spitzenbelastungszeit – время максимальной нагрузки, час пик, das Spitzenerzeugnis – наилучший продукт, der Spitzenfilm – первоклассный фильм, die Spitzenklasse – выдающийся спортсмен, die Spitzenleistung – выдающееся достижение, der Spitzenlohn – максимальная заработная плата, die Spitzenmeldung – важнейшее достижение, das Spitzenmodell – лучшая (последняя) модель (моды), die Spitzenqualität - высшее качество, der Spitzenreiter – лидер (турнира, гонки) в прямом и перносном смысле. Ср. сл. пример: „Deutschland ist als Zielland von Flüchtlingen Spitzenreiter unter den Staaten der Europäischen Union“ (PuS, 1999).

В. Гумбольдт писал: "Нельзя себе представить, чтобы создание языка начиналось с обозначения словами предметов, а затем уже происходило соединение слов. В действительности речь строится не из предшествующих ей слов, а, наоборот, слова возникают из речи. Слово образует границу, вплоть до которой язык в своем созидательном процессе действует самостоятельно. Словом язык завершает свое созидание. Для предложения в речи язык устанавливает только регулирующие схемы, представляя индивидуальное оформление их произволу говорящего" [3,82]. Одно из возможных толкований этого места состоит в том, что вариации внутренней формы слова ограничены схемой предложения, в реализации которой это слово участвует, и следовательно, теми семантическими категориями, которые

определяют различия схем предложений. Подтверждение такой гипотезы можно, кажется, увидеть в следующих словах Гумбольдта: "Как и в звуковой форме важнейшими моментами являются обозначения понятий и законы сочетания слов, так и во внутренней, интеллектуальной стороне языка дело обстоит подобным же образом. При обозначении здесь, как и там, следует различать два момента: ищутся выражения для совершенно индивидуальных предметов, или же изображаются отношения, которые, прилагаясь к целому ряду предметов, сводятся по форме к одному общему понятию. Созданию слов (у звуковой формы языка) внутренней стороне языка соответствует образование понятий. Чтобы артикуляционное чувство могло найти необходимые для обозначения звуки, нужно, чтобы во внутренней сфере каждое понятие было отмечено каким – либо свойственным ему признаком или было поставлено в связь с другими понятиями» (там же). Объяснение мотивации дается исключительно с позиций синтагматики, а как же парадигматика? Эта важнейшая для теории мотивации тема наиболее полно раскрывается В.В. Виноградовым, обобщающим все добытое языкознанием к 1947г. с позиций теории категорий:«Слово как система форм и значений является фокусом соединения и взаимодействия грамматических категорий языка... Ни один язык не был в состоянии выражать каждую конкретную идею самостоятельным словом или корневым элементом. Конкретность опыта беспредельна, ресурсы самого богатого языка строго ограничены. Язык оказывается вынужденным разносить бесчисленное множество значений по тем или другим рубрикам основных понятий, используя конкретные или полуконкретные идеи в качестве посредствующих функциональных связей… Лексические значения слова подводятся под грамматические категории… Семантические контуры слова, внутренняя связь его значений, его смысловой объем определяются грамматическим строем языка, и семантический объем слова, и способы объединения значений различны в словах разных грамматических категорий… Широта фразовых связей слова также зависит от его грамматической структуры. Различия в синтаксических свойствах слова, в особенностях его фразового употребления находятся в тесной связи с различиями значений слова» [4, 18-19].

Наибольший интерес представляет последняя группа словообразовательных единиц и словосочетаний, составившая около 90% всех проанализированных единиц. Сложнопроизводные слова с суффиксом -er и словосочетания являются подлинными аутентичными синонимами. Однако, будучи единицами разных уровней языковой системы, они различаются по своему внутрилингвистическому значению. Словосочетания – номинативные единицы синтаксического уровня – однозначны и раздельно оформлены, следствием чего является широкая возможность синтаксического распространения их членов. Модели словосочетаний получают свое лексическое наполнение в каждом конкретном коммуникативном акте, реализуя при этом внешнюю лексическую валентность своих членов. В определенных синтаксических условиях возможна замена некоторых членов словосочетания широкозначными именами существительными. В отличие от словосочетаний сложнопроизводные слова являются цельнооформленными лексическими единицами, воспроизводимыми в речи.

Говоря о воспроизводимости сложнопроизводных слов, необходимо отметить, что существует большое число таких единиц, которые так же, как и словосочетания, не воспроизводятся, а создаются в речи. Это так называемые окказиональные слова. Последние, будучи чисто речевыми образованиями, не принадлежат языку, они творятся заново для каждого конкретного случая употребления. Окказиональные слова создаются носителями языка при необходимости: 1) назвать новые явления, предметы и другие реалии действительности; 2) дать экспрессивное выражение, предельно точно и ярко описывающее конкретную ситуацию. В соответсвии с целью создания окказионализмы выполняют две функции: 1) информативную; 2) экспрессивную, ср.:

Manchmal frag ich mich,
Wann bin ich eigentlich Ich?
Daheim bin ich der Gärtner, Maler,
der Schaför und Rechnungszahler,
der Klempner und Fahrradflicker,
Lohnungssteuermacher, Möbelrücker,
Der Geldheimbringer, Einkaufsbote,
Kartenschreiber selbst für Tote,
Der Hausaufgab- und Schulberater
Und bald werd ich nun Schwiegervater.
Bin Prellbock und ein Streiteschlichter,
Spezialist für Strom und Lichter,
Einkaufsberater und Gutachter,
Geschirrabtrockner – alles macht er.
«Vater unser bestes Stück».

Im Dienst bin ich der Sachbearbeiter,
der wissen muss wie alles geht weiter,
als Organist der Liedbegleiter,
vorm Chor steh ich als Dirigent,
der Luft verteilt mit seinen Händ'n,
der schuld ist, wenn was net so klappt.
„Wir haben den richtigen Ton net ghabt"…
beim Staat bin ich der Steuerzahler,
für die Krankenkasse ein Beitragszahler,
fürs Rote Kreuz ein alter Spender
für Bares und abtrogne Gewänder.
Verstehts jetzt, wenn ich frag dann mich,
Wann bin ich eigentlich denn ich?
Doch ich hab gehört, drum bin ich froh,
dir gehts wahrscheinlich genau auch so.

Drei Weiber zu Hause welch ein Glück.

Wir sind anscheinds – ich glaubs euch schon,
die Summe dieser Addition.
(L.G., S.31)

Выделенные в этом стихотворении сложнопроизводные слова с суффиксом -er помогают реконструировать модели производящих словосочетаний, ср.: Geschirr abtrocknen - Geschirrabtrockner, Sache bearbeiten – Sachbearbeiter, Steuern zahlen – Steuernzahler, Beitrag zahlen – Beitragszahler и др.

Окказиональные слова возникают в речи, они тесно связаны с речевой ситуацией. Вместе с тем, рассчитанные на нормальное речевое понимание и восприятие, они обычно создаются по аналогии с уже известными узуальными словами в строгом соответствии с системой языка. Аналогия пронизывает все способы словообразования. Е.С. Кубрякова пишет по этому поводу: «подчеркивая творческий характер речевой деятельности, мы не можем не принимать также моделируемого характера этой деятельности и наличие общих правил, ею управляющих" [5]. Аналогия проявляется не только в процессе аналогического словообразования, т.е. в подмене компонентов в уже существующих сложных словах по аналогии, но и в процессе словообразования на синтаксической основе, т.е. в различных видах свертывания или семантической компрессии синтаксических конструкций (предложений, словосочетаний) в производные и сложные слова. Таким образом, в процессе универбализации наименование в виде словосочетания получает новое оформление в виде цельнооформленного знака – универба. При этом происходит транспозиция знаков с синтаксического уровня на лексический, на уровень слова. Дальнейшая судьба окказиональных сложных слов-универбов зависит от разнообразных языковых и экстралингвистических факторов.

Сложные слова цветообозначения имеют в контексте художественного произведения определенную прагматическую установку и содержат элементы, выполняющие функцию воздействия. Последнее особенно актуально в связи с быстрым развитием такого направления в изучении языка, как лингвопоэтический анализ, например:

„Ein rosenfarbnes Frühlingswetter
Umgab das liebliche Gesicht…"
(J.W. Goethe. Willkommen und Abschied)

„aber nach langen, regnenden Nachmittagen
kommen die goldübersonnten
neueren Stunden…"
(R.M. Rilke. Aus einem April)

Процесс универбализации приводит к образованию функционирующих параллельно синонимичных словосочетаний и сложных слов. Можно предположить следующие пути развития этой ситуации в языке:

а) одна из синонимичных форм номинации вытесняет другую. В целом сложное слово-универб – более экономная (в широком смысле этого слова) форма номинации по сравнению со словосочетанием. Но это вовсе не означает, что конечным результатом социального закрепления будет сложное слово. Создание универбов, как правило, - не самоцель, а решение частной задачи при построении текста в целом. Специфика окказионализмов - в обслуживании конкретной речевой ситуации. Поэтому многие окказиональные сложные слова-универбы, удачно выполнившие свою функцию в каком-либо художественном произведении или в устной речи, никогда не становятся фактами языка.

б) обе синонимичные конструкции остаются в языке. При этом одна из них может частично изменить свое первоначальное значение в соответствии с тенденциями, которые свойственны развитию номинативных единиц (лексикализация, возникновение на основе прямого значения – значений переносных, развитие полисемии и т.д.)

Таким образом, соотношение словообразовательных и синтаксических структур в современном немецком языке показывает, что в тот же более или менее длительный период времени, когда синонимичные наименования полностью сохраняют свое первоначальное значение, их функционирование определяется внутрилингвистическими и прагматическими факторами.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

L.G. Herbert Lahm. Gedichte. Nürnberg, 1992.- 48 S.

PuS – Presse und Sprache. 43. Jahrgang.- Nr. 540, Januar 1999.- S.1.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанова М.Д., Фляйшер В. Теоретические основы словообразования в немецком языке. - М., 1984.
2. Степанова М.Д. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка. - М., 1979.
3. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода. - В кн.: Звегинцев В.А. Хрестоматия по истории языкознания 19-20 вв. - М., 1956.

4. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. - М., 1947.
5. Кубрякова Е.С. Семантика производного слова. В кн.: Аспекты семантических исследований. - М.,1980.